

Некоторые аспекты этнической идентификации горских евреев // Центральная Азия и Кавказ.

Как особая субэтническая группа горские евреи сформировались на Восточном Кавказе — на территории Дагестана и Азербайджана. Между собой они разговаривают на так называемом еврейско-татском языке, в основе которого лежит диалект среднеперсидского, используется значительный пласт лексических заимствований из арамейского и древнееврейского, а также из современного азербайджанского, кумыкского и других языков.

В этнокультурном отношении горские евреи — часть иранского еврейства, с которым они поддерживали довольно тесные связи еще до включения Восточного Кавказа в состав России (начало XIX в.). Об этом может свидетельствовать, например, их знакомство с языком зебони ирани, посредством которого иранские евреи, говорившие на различных диалектах, общались между собой. Кроме того, в XVIII—XIX веках многие иранские евреи, главным образом из Гиляна, переселились на Восточный Кавказ, где интегрировались в разные горско-еврейские этнографические группы.

О происхождении горских евреев существует довольно много версий, в том числе и весьма экзотических. Не будем на этом останавливаться подробно, укажем лишь предложенную автором этих строк гипотезу: еврейский субстрат, ставший основой формирования горско-еврейской субэтнической группы, возник в VI веке, когда сасанидский шахиншах Хосров I Ануширван (531—579) переселил на Восточный Кавказ евреев-маздакитов Вавилонии. В дальнейшем, как мы отмечали выше, численность восточнокавказских евреев пополнялась за счет переселенцев из Ирана, главным образом из Гиляна, а также из Грузии и стран Восточной Европы.

В середине XIX века, в период Кавказской войны, первые компактные поселения горских евреев появились в строившихся в то время русских крепостях на территории Северного Кавказа. Постепенно их численность там увеличилась настолько, что к 1980-м годам ее можно было сравнивать с количеством горских евреев Дагестана и Азербайджана. К концу горбачевской перестройки в Советском Союзе (1985—1991) в этих трех зонах сосредоточилось их подавляющее большинство, хотя к тому времени многие уже осели в Москве и Ленинграде. К тому же на закате перестройки и сразу после нее более половины горских евреев выехали в Израиль, Соединенные Штаты, Канаду и Германию, что было вызвано главным образом криминальным беспределом в кавказских республиках Российской Федерации. В России сегодня они в основном живут в Москве, Санкт-Петербурге и в городах так называемой зоны Кавказских Минеральных Вод (Пятигорск, Ессентуки, Минеральные Воды и т.д.), в Дагестане же их осталось не более двух тысяч. Впрочем, оценки общего количества, как правило, завышены — от 100 до 150 тысяч человек. Более реально численность горских евреев составляет 60—70 тысяч человек¹.

Таковы наиболее общие сведения о горских евреях. Большое внимание их этнической идентификации уделит М.А. Членов, и в предлагаемой читателям статье есть немало ссылок на его работы, а также элементы полемики с этим блестящим исследователем. Кроме того, М.А. Членову принадлежит парадигма еврейской цивилизации или квазицивилизации², позволяющая описывать различные еврейские субэтнические группы как большие и малые части единого целого — еврейского народа, или, следуя терминологии М.А. Членова, еврейской цивилизации (или квазицивилизации). Для темы данной статьи очень важно следующее положение указанной парадигмы: каждая еврейская субэтническая группа имеет свой собственный, выработанный веками комплекс представлений о том, что значит быть евреем, который М.А. Членов обозначает современным ивритским термином *edah*. Как указывает этот автор, в каждой субэтнической группе евреев вырабатывается свое собственное *edah*, а соприкосновение двух различных *edah* первоначально приводит к взаимонепониманию между их носителями — вплоть до возникновения взаимной неприязни, но со временем, в ходе контактов, различия между этими *edah* стираются. Несколько ниже мы рассмотрим особенности соприкосновения горско-еврейского *edah* с *edah* других еврейских субэтнических групп.

Основные критерии традиционной этнической идентификации

Горских евреев можно рассматривать как вполне гомогенную субэтническую группу. Их основные идентификационные критерии таковы: общий этноним — *juhur*3(множественное число — *juhuru(n)* или *juhurho*); общий язык — *juhuri*; общая религия — иудаизм, а также общие особенности в исполнении религиозных обрядов и в религиозных представлениях. Эти идентификационные критерии — элементы горско-еврейского *edah* — способствовали тому, что в XIX—XX веках горские евреи, жившие дисперсными группами на значительной территории Кавказа — от Ширвана до Кабарды, четко осознавали свое родство. Несмотря на некоторые различия в культуре их отдельных этнографических групп, они легко рождались друг с другом, но редко вступали в браки с представителями других еврейских субэтнических групп: ашкеназами, грузинскими и среднеазиатскими евреями, а до последних десятилетий минувшего века — и с иноверцами. При этом большая часть смешанных браков в тот период приходилась на евреев-ашкеназов. В целом же для горских евреев характерна ярко выраженная эндогамность. Еще один их идентификационный критерий — они воспринимаются кавказскими этносами именно как евреи.

Понятие горские евреи ввела в оборот русская военная администрация в XIX веке, что объяснялось необходимостью отличать восточнокавказских евреев от европейских. Причем определение "горский" связано с тем, что в тот период в официальной номенклатуре русской военной администрации все кавказские народы, независимо от зоны своего традиционного проживания, именовались горскими. Тогда же словосочетание "горские евреи" вошло в этнографическую литературу и при советской власти долгое время было официальным названием этого народа.

Представителям любой субэтнической группы евреев всегда свойственна двойственность самосознания. С одной стороны, еврей — носитель, а в некоторых случаях и творец конкретной национальной (государственной) культуры страны проживания; с другой — он

не принадлежит к ней целиком, так как имеет еврейские корни и связанную с ними историческую и культурную традицию, а также особое вероисповедание, отличающееся от религии местного населения.

При рассмотрении связей, описываемых известной формулой свой — чужой, нетрудно убедиться в том, что горские евреи относят себя к миру кавказской культуры, но вместе с тем осознают и свои еврейские корни, и свою особую религиозную принадлежность, то есть собственную неидентичность кавказским народам. Однако, несмотря на все различия в ментальности горских евреев и соседних с ними кавказских народов, между ними все же много общего, что и объединяет их перед лицом иных, некавказских культур. Например, при сопоставлении комплекса кавказских и русских культурных традиций, горские евреи всегда отдают предпочтение первым. Это же касается и любых других сопоставлений такого рода. Подобному восприятию русского этнокультурного комплекса не мешает и то, что активное приобщение горских евреев к русской культуре и к русскому образованию началось еще на рубеже XIX—XX веков, причем в советский период они получали высшее образование главным образом в вузах городов с преимущественно русским населением.

Как уже отмечалось, не только сами горские евреи относят себя к кавказскому миру, но таковыми считают их и кавказские народы, среди которых они традиционно живут. Кавказцы неизменно отличают их от евреев-ашкеназов и всегда отдают предпочтение горским евреям, как более близким к ним по ментальности, как знающим и уважающим их традиции. Кроме того, в обычаях горских евреев много общего с кавказскими, и, хотя они исповедуют особую религию, представители коренных этносов считают их одним из кавказских народов. Четко отличая горских евреев от евреев-ашкеназов, кавказцы вводят в отношении последних уточнение — русские евреи, тогда как горских они называют — наши евреи, что отражает их "кавказскость".

Осознание кавказцами того, что горские евреи принадлежат к миру Кавказа, вовсе не означает, что в этом регионе нет почвы для антисемитизма. При этом небезынтересно, что отношение к евреям-ашкеназам здесь скорее благожелательное, чем отрицательное. Это объясняется тем, что в глазах кавказцев ашкеназы — представители русской культуры, внесшие большой вклад в развитие на Кавказе образования, здравоохранения и т.д. С другой стороны, кавказцы склонны наделять их интеллектуальным превосходством, что, в свою очередь, повод для зависти и, как следствие, почва для антисемитизма (в различных его проявлениях). Горских же евреев кавказцы интеллектуальным превосходством не наделяют, а традиционно приписывают им массу самых разных недостатков и отрицательных качеств. Однако, если приглядеться, можно обнаружить, что тот же самый или несколько иной комплекс отрицательных качеств в этом регионе приписывается каждому местному народу (но не своему). Другими словами, степень отрицательного отношения к горским евреям в принципе такова же, как и к другим кавказским народам — ни больше, ни меньше. Таким образом, в данном случае мы имеем дело не с антисемитизмом, а с проявлениями обычного этноцентризма, питаемого полиэтничностью региона. При этом надо иметь в виду, что национализм на Кавказе — не цель, а средство для ее достижения и наряду с национализмом здесь давно бытуют более прочные традиции межэтнического сосуществования.

Горские евреи и евреи-ашкеназы

В последние десятилетия XX века значительная часть горских евреев переселилась за пределы Кавказа, но они не отказались от некоторых его традиций — в их менталитете сохраняется ряд кавказских черт. В Москве, в Беэр-Шеве, в других городах и странах они остаются кавказцами. Этому способствует не только этническое самосознание, но и то, что в Москве, в Беэр-Шеве и т.д. окружающие, в том числе и евреи-ашкеназы, воспринимают их как кавказцев.

Горские евреи и ашкеназы начали тесно общаться вскоре после окончания Кавказской войны. В 70-х годах XIX века уже довольно много ашкеназов жило в Дагестане — в Темир-Хан-Шуре (совр. Буйнакск), в Дербенте, позднее — в Петровске (совр. Махачкала), а также во Владикавказе, Грозном, Нальчике, Баку и в других городах региона. Судя по всему, между представителями этих двух субэтнических групп евреев (с самого начала их общения) возникла взаимная неприязнь, о чем в то время писал И.Ш. Анисимов. Кроме того, и в Баку, и в Дербенте, и в Темир-Хан-Шуре, и во Владикавказе, и в других городах ашкеназы строили свои синагоги, хотя там уже были синагоги горских евреев. Едва ли это можно объяснить лишь различиями в литургии и в правилах огласовки древнееврейских текстов. По мнению автора этих строк, гораздо большую роль во взаимном обособлении ашкеназов и горских евреев сыграли различия в их ментальности и в комплексе представлений о том, что значит быть евреем. Взаимопонимание на этой почве продолжается уже почти полтора столетия; при этом многие различия в их едаh, которые имели место в прошлом, уже исчезли, другие — продолжают стираться, третьи еще остаются.

Процесс татизации горских евреев в Советском Союзе

Примерно с 1930-х годов, особенно активно с 1970-х, под давлением советской пропаганды горским евреям Дагестана и Северного Кавказа навязывали этноним "тат" и довольно значительная их часть поддалась этому давлению. Так, в конце 1970-х — начале 1980-х годов в графе "национальность" многие из них уже писали "тат", а до того — "горский еврей" или просто "еврей". В результате "татизации" в самоидентификацию горских евреев и в их идентификацию другими народами внесены существенные искажения.

Для справки следует отметить, что "тат" — обобщенное тюркское название покоренного оседлого населения, главным образом иранцев, причем это термин — не столько этнический, сколько социальный⁴. Именно в таком качестве он известен в Центральной Азии, в Крыму, на северо-западе Ирана и на Восточном Кавказе.

Тюрки-азербайджанцы называли татами иранцев Восточного Кавказа, предков которых правители Ирана переселяли на эти земли с VI века. Они проживали компактными группами — от Апшерона на юге до Дербента на севере. В начале XX века таковых насчитывалось несколько сот тысяч⁵. Их самоидентификация основывалась на конфессиональном признаке — мусульмане или христиане. Татами они

себя не называли, считая этот термин оскорбительным, свой язык именовали парси, порси или форсиб, название же "татский язык" в XIX веке ввели в оборот исследователи Кавказа (Б. Дорн, Н. Березин, В.Ф. Миллер и т.д.).

В первые десятилетия прошлого века на территории современного Азербайджана еще были татские селения, жители которых исповедовали христианство и называли себя эрмени ("армяне")⁷. Впоследствии они практически все переселились в северные районы Дагестана и в Ставропольский край. Тюркизация же кавказских татов началась в конце XIX века⁸. В наше время этот процесс практически завершен, а потомки проживающих в Азербайджане и в Дагестане татов практически полностью утратили родной персидский язык и перешли на азербайджанский. К тому же идентифицируют они себя в качестве азербайджанцев.

В 1920-х годах Б.В. Миллер а priori, без какого-либо обоснования выдвинул идею о существовании единого татского этноса, разделенного тремя религиями: мусульманской, иудейской и христианской⁹. Это было вполне в духе большевистского атеизма, который рассматривал религиозность как фактор, противодействующий единению "пролетариев всех стран". Стилю той эпохи было неважно, что ни горские евреи, ни таты-мусульмане, ни таты-христиане татами себя никогда не называли! Кроме того, и физико-антропологические данные, которыми располагал Б.В. Миллер, противоречили его выводу об этническом родстве горских евреев и кавказских татов. Таким образом, заключение, сделанное Б.В. Миллером, не только не имело научного обоснования, но и противоречило хорошо известным фактам. Именно поэтому в настоящее время его называют "татским мифом".

Тезис о существовании единого татского этноса, разделенного тремя религиями, был принят филологом Н. Анисимовым¹⁰ и, что самое главное, большевистскими лидерами, выходцами из горских евреев. Так, по их инициативе на съезде горских евреев, состоявшемся в 1927 году в Москве, была принята декларация, в которой термин "тат" зафиксировали как одно из названий этого народа.

В дальнейшем этот миф раздували в том же русле: максимум псевдонаучной риторики, минимум строгого обоснования. При этом нередко желаемое выдавалось за действительное, предположение — за аксиому. Например, в одной из работ Л.Х. Авшалумовой читаем: "Этнографические очерки-исследования наглядно подтверждали общность языка, традиций, материальной и духовной культуры татов-иудаистов и татов-мусульман..."¹¹. Однако подобных сравнений — между культурой горских евреев и кавказских татов — исследователи не проводили. Что же касается сопоставления их языков, то эту тему исследовал А.Л. Грюнберг (см.: статья "Татский язык" в книге "Основы иранского языкознания: Новоиранские языки: Западная группа, прикаспийские языки", М.: Наука, 1982). В ходе этой работы на автора столь массивно давила "татская общественность" (Х.Д. Авшалумов, М.Е. Мататов и др.), что ему пришлось сопоставить два языка в русле мифа: существуют, мол, диалекты татского — южный (татско-мусульманский) и северный (татско-иудейский).

Впоследствии Е.М. Назарова, единственная в наше время исследовательница еврейско-татского языка, привела ряд серьезных аргументов против того, чтобы рассматривать еврейско-татский язык как диалект татского; по ее мнению, это два самостоятельных языка¹².

Почему же навязывание чуждого этнонима нашло (хотя и не сразу) столь благодатную почву в среде горских евреев? И почему их лидеры с особой страстью навязывали своим соплеменникам название "таты"?

При ответе на этот вопрос следует обратить внимание на то, что адептами версии о "татском" происхождении горских евреев — версики, ложной во всех отношениях, — становились прежде всего люди с высшим образованием. Первым из них был И.Ш. Анисимов, и стал создателем татского мифа, вернее, высказал его базисные положения. Впрочем, не сделал это И.Ш. Анисимов, но несколько позже сотворил бы кто-то другой. Как бы то ни было, сформулированные им тезисы татского мифа подхватили и развили сторонники этой идеи.

До 1950-х годов среди горских евреев было сравнительно немного людей с высшим образованием, но именно они и составили ту группу, которая, во-первых, сама приняла татский миф, во-вторых, пропагандировала его в своем народе. Из этой среды вышли "татские" писатели, поэты и т.д., которые стали "локомотивом" в насаждении данного мифа. Вплоть до начала 1970-х годов подавляющее большинство горских евреев относилось к нему как к байке "высоколобых" соплеменников, как к некоему недоразумению и в неформальной обстановке этот вопрос даже не обсуждался. Поэтому еврейско-татский язык (juhuri) сами его носители и их соседи по-прежнему называли по-русски "еврейским", а самоназвание горских евреев (juhur) переводили как "еврей". Таким образом, до начала 1970-х годов, когда евреи Советского Союза получили возможность выезжать в Израиль (впрочем, и здесь была масса препон), татский миф казался вполне безобидной игрушкой в руках "татских" писателей и функционеров-коммунистов, выходцев из горских евреев. К стати в тот период образовательный ценз этого народа рос бурными темпами, и чем большее число его представителей получало высшее образование, тем больше увеличивалось количество сторонников пресловутого мифа. К тому же по времени этот рост совпал с началом еврейской эмиграции из СССР и с развернувшейся в советской прессе (1967 г.) бурной антиизраильской кампании. Именно тогда в Дагестане и в республиках Северного Кавказа горским евреям весьма активно навязывали "татство". Везде и всюду в доступной для аудитории форме объясняли их "татское", а не еврейское происхождение. Подразумевалось, что раз уж они никакие не евреи, а таты, то им не следует уезжать в Израиль. В этом контексте принятие (пусть даже формально, на словах) или непринятие татского мифа означало своего рода проверку на лояльность к советской власти и к ее международной политике¹³. Таким образом, наряду с навязыванием этого мифа насаждалось и лицемерие (я, конечно, еврей, но если власть хочет, то я могу побыть и "татом"), что, впрочем, было свойственно многим сферам советской общественной жизни.

Разумеется, эту пропаганду инспирировали власти, но проводилась она руками самих горских евреев — тех же "татских" писателей, поэтов и деятелей компартии Советского Союза. Почти все газетные публикации на эту тему приходятся именно на 1970-е годы. Тогда же проводили многочисленные собрания "татской" общественности, на которых людей вынуждали произносить речи, осуждающие "израильских агрессоров". В материалах СМИ и на собраниях, посвященных этой теме, горских евреев среди всего прочего опять-таки вынуждали обсуждать вопрос об этнониме "тат". Все это делали чрезвычайно грубо и назойливо. И с той поры вопрос об этнониме стал для горских евреев общенародным. Правда, все это происходило главным образом в Дагестане, а в Азербайджане им этот этноним практически и не навязывали — оттуда горских евреев в Израиль просто не выпускали. Кроме того, было крайне нежелательно муссировать эту тему в союзной республике, где жило несколько сот тысяч тюркизированных кавказских татов.

В Дагестане же среди горских евреев образовались два лагеря — "таты" и "евреи" или (как их еще тогда называли в народе) "сионисты". Последние были представлены главным образом менее образованной частью своих соплеменников, хотя в этот лагерь входило и незначительное число имевших высшее образование. Причем навязывание им термина "тат" они рассматривали как проявление антисемитизма со стороны официальных властей. "Таты" же были представлены почти всеми горско-еврейскими писателями, поэтами, членами компартии, руководителями предприятий, учителями и т.д. При этом значительная часть горских евреев автономной республики индифферентно относилась ко всем этим дискуссиям, но все-таки несколько позже более половины местных горских евреев стало "татами". Произошло это после публикации в газете "Дагестанская правда" статей М.Е. Мататова и писателя Х.Д. Авшалумова¹⁴. В этих статьях проводилось недвусмысленное разделение на наших ("татов" и соответственно "советских") и не наших¹⁵. По времени эти публикации совпали с кампанией по замене советских паспортов, начавшейся в 1977 году и создавшей весьма благоприятные условия для татизации горских евреев: к началу перестройки большая их часть поменяла запись в графе "национальность" и в официальной статистике уже числилась "татами".

Таким образом, совпадение во времени сразу четырех факторов: появление в начале 1970-х годов возможности (в основном теоретической) для выезда из Советского Союза; победа Израиля в войнах 1967 и 1973 годов и сопутствовавшая им антиизраильская кампания в советской прессе; резкая активизация пропагандистской кампании по навязыванию горским евреям этнонима "тат"; замена советских паспортов (конец 1970-х) — сыграло роковую роль для горско-еврейской идентичности.

Значительное влияние на горско-еврейскую идентичность оказали сам факт существования государства Израиль, а главное — его военные победы над своими соседями. Но при этом произошло некоторое расслоение горских евреев на противников "сионистских агрессоров" и сочувствующих Израилю. Последних было подавляющее большинство, ибо даже "таты" не без гордости говорили о военных успехах своей исторической родины.

Мы уже отметили, что татский миф теоретически так и не обоснован, а его появление — не более чем научный курьез, который затем оброс политическими спекуляциями, ибо те горские евреи, которые в советский период стремились превратить своих соплеменников в одну из "дагестанских народностей", а заодно и приостановить эмиграцию в Израиль, стали выдавать их за "татов". Но разве нельзя было делать то же самое, не затрагивая основополагающих критериев идентификации и не навязывая им мифического самоназвания?

М.А. Членов полагает, что довольно успешная татизация горских евреев была связана с опытом, приобретенным ими в годы Великой Отечественной войны. Тогда фашисты уничтожили практически всех горских евреев на Северном Кавказе (села Богдановка и Менжинск) и в Крыму (колхоз им. Шаумяна). А в Нальчике этого не случилось, так как местные жители представили их немцам как татов, одну из горских народностей¹⁶.

По мнению автора этих строк, точка зрения М.А. Членова противоречит фактам: массовая татизация началась не сразу после Второй мировой войны, а в конце 1960-х годов, причем пик ее пришелся на конец 1970-х — начало 1980-х. Таким образом, не следует связывать трагические события, пережитые горскими евреями в период немецкой оккупации, с массовой татизацией.

Более основателен тезис М.А. Членова о том, что татизацию можно рассматривать, как попытку отмежеваться от ашкеназов и от евреев вообще, что в Советском Союзе было характерно для других восточных еврейских групп. По мнению М.А. Членова, эта попытка была вызвана страхом перед ашкеназским влиянием и рассматривалась "в качестве этноохранительной меры, призванной сберечь архаический адат, а через него религию, язык, бытовую культуру"¹⁷.

Конечно, здесь также можно подискутировать, но главное — М.А. Членов прав в том, что распространение среди горских евреев татского мифа — в определенной степени следствие их общения с евреями-ашкеназами. Горские евреи действительно опасались влияния последних и не желали ассимилироваться среди них. Но важно и другое: в процессе общения с ашкеназами у горских евреев сложился комплекс неполноценности. Здесь не имеется в виду комплекс перед образованностью или, может быть, интеллектуальным превосходством ашкеназов, хотя отчасти это имеет место, а комплекс перед их "еврейскостью", подтверждаемый рядом фактов сравнительно недавней истории. Во-первых, в Российской империи ашкеназы подвергались дискриминации именно потому, что они были евреями, да и в Советском Союзе антисемитизм направлялся главным образом против них; во-вторых, немецкий фашизм уничтожал ашкеназов именно как евреев и т.д.

В середине XIX века, когда они только начали достаточно тесно знакомиться, такого комплекса просто не могло быть, так как с позиций горско-еврейского *edah* ашкеназы вовсе и не были евреями. Они носили европейские костюмы, ели некошерную пищу, не посещали синагогу и т.д. (в ту эпоху еврей-ашкеназы, прибывавшие на Кавказ, имели, как правило, светское образование и особой религиозностью не отличались¹⁸).

Однако, по мере того как все большее число горских евреев стало получать светское образование (первым из них был И.Ш. Анисимов), отходить от религии и традиционных норм, менялось их отношение к "еврейскости" ашкеназов. Хорошо образованные горские евреи уже не могли упрекать их в нерелигиозности, поскольку, как правило, и сами особым прилежанием в этой сфере не отличались: в атеистическом советском обществе религиозность рассматривалась как признак отсталости. И в этих условиях основополагающие установки в противопоставлении мы — они полярно изменились: если плохо образованный, но религиозный горский еврей по-прежнему считал настоящим евреем именно себя, а не ашкеназа, то хорошо образованный горский еврей стал считать настоящим евреем ашкеназа, а не себя. Ведь для интеллектуального слоя горских евреев все более очевидной становилась "еврейскость" ашкеназов, на фоне которой "еврейскость" самих горских евреев казалась весьма сомнительной. Это именно для них посылка "ашкеназы — это евреи" стала безусловной. А опирающееся на нее суждение "и если мы на них не похожи" (ни по языку, ни в отношении этнонима, ни в физико-антропологическом плане и т.д. и т.п.) приводило к выводу "то мы — не евреи!", на чем и базировался комплекс неполноценности перед ашкеназами: "еврейскость" ашкеназов отрицала "еврейскость" горских евреев. "А если мы — не евреи, то кто же мы тогда? Конечно, таты!"

Указанный комплекс наблюдается уже в работах И.Ш. Анисимова¹⁹, который и выдвинул предположение о "татском" происхождении своего народа. Так, сравнивая ашкеназов и горских евреев, он рассматривает признаки ашкеназского этнокультурного типа как эталонные. А горские евреи, по его мнению, до этих эталонов явно не дотягивают: у ашкеназов довольно высокий образовательный уровень, они хорошо знакомы с раббанитской (талмудической) традицией. У горских же евреев процент грамотных невысокий, их равнины невежественны в Талмуде, да и знакомство горских евреев с Талмудом, по мнению И.Ш. Анисимова, состоялось лишь благодаря общению с первыми²⁰.

Однако в основе настроений тех, кто принял (или делал вид, что принял) татский миф, лежал не только этот комплекс и страх перед ашкеназским влиянием, но и желание оградить свой народ от проявлений антисемитизма. И тут уж не обходилось без лицемерия (мы, конечно, евреи, но лучше, если мы будем называть себя иначе).

Таким образом, глубинным основанием процесса татизации горских евреев стал, во-первых, отход от религии, приведший к эрозии традиционной идентичности, во-вторых, психологический дискомфорт, возникший вследствие их общения с ашкеназами. Ввиду такого дискомфорта состояние довольно многие образованные горские евреи, лучше других усвоившие особенности современной им ашкеназской культуры, в том числе и поведенческой, не желали иметь ничего общего не только с носителями этой культуры, но даже и называться общим с ними этнонимом. А поскольку в русском языке термин "еврей" закрепился, прежде всего, за ашкеназами, то указанная часть горских евреев попыталась отказаться от применения этого термина к себе; даже его "разбавленность" определением "горский" их не устроила. Впрочем, необходимо отметить: речь идет не обо всей интеллектуальной элите горских евреев, а лишь о той ее части, которая участвовала в процессе татизации. В целом же большая часть горских евреев воспринимает ашкеназов с симпатией и относится к ним как к части единого еврейского народа.

Как уже было сказано, успеху татизации способствовала усиленная поддержка этого процесса со стороны властей. Например, в Дагестане для существенного карьерного роста горскому еврею необходимо было не только вступить в КПСС, но и иметь в документах запись "тат" (исключений практически не наблюдалось). Проявлял себя и конформизм, навязывавшийся татизацией (я, конечно, еврей, но если власть хочет, то я могу побыть "татом").

Итак, основная цель кампании по татизации — предотвращение массового выезда горских евреев из Советского Союза. Добиться этого так и не удалось, однако пропаганда татского мифа не только внесла существенные искажения в их идентификацию, но и внедрила в обиходное сознание идею о необходимости двоедушия, сопутствовавшего принятию этнонима "тат".

Этот миф постепенно размывал традиционное этническое самосознание горских евреев. Поначалу тождества $\text{juhr} = \text{еврей}$ и $\text{juhr} = \text{тат}$ стали восприниматься, по меньшей мере, как равноправные, а к концу XX века новое поколение горских евреев уже было готово к восприятию того, что самоназвание juhr не тождественно понятию "еврей" ($\text{juhr} \neq \text{еврей}$): juhr — это "тат". Действует уже новая логика: мы называем себя "татами", и другие народы называют нас "татами", и, по всей видимости, мы действительно не евреи, а таты. Другие народы действительно уже называют горских евреев не так, как прежде — "ччуудар", "жугур" и т.д., а "тат" (логическое построение: если они сами называют себя "татами", и в местной прессе их называют "татами", то они, наверное, и есть "таты"). Таким образом, относительно этнической принадлежности этого народа в сознание самих горских евреев и в сознание окружающего их населения внесен полнейший сунбур.

По мнению М.-Р.А. Ибрагимова, процесс татизации привел к "этнической переориентации" или "смене идентичности"²¹. Однако, по нашему мнению, это не совсем так. Ведь большая часть горских евреев ныне обосновалась в Израиле, где последствия татизации ощущаются не столь остро²². Другая их значительная группа, в основном — выходцы из Азербайджана, которых в свое время этот процесс затронул минимально, живет в Москве. А третья относительно большая их часть (по разным оценкам, от 10 до 20 тысяч человек) из Азербайджанской республики и не уезжала.

В Дагестане же, который в свое время был идеологическим источником татизации, осталось менее двух тысяч представителей этого народа. И под влиянием профессора Л.Х. Авшалумовой, которая представляет в Государственном совете республики "татский" народ, этот миф не изжит. Например, в республиканской газете, издающейся на "татском" языке, невозможно встретить термин "еврей" или хотя бы исконное для горских евреев самоназвание juhr — лишь "тат"; статьи по "татскому вопросу" регулярно появляются и в других республиканских СМИ. А вот главный редактор журнала "Народы Дагестана" М.Р. Курбанов, опубликовавший несколько статей (2002,

№ 1), отражающих разные мнения по данному вопросу, до сих пор подвергается давлению "татской" общественности. Авторы же этих материалов характеризуются в местной прессе не иначе, как льющие воду на мельницу геополитических противников России и Дагестана, не понимающие сути политического момента и т.п. Таким образом, Дагестан и ныне остается рассадником татского мифа, да и единственным уголком мира, где на официальном уровне горских евреев все еще называют "татами". Впрочем, как замечает М.А. Членов, продолжающийся отток горских евреев из Дагестана, видимо, приведет пресловутый миф к забвению.

В марте 2001 года в Москве состоялся Международный симпозиум "Горские евреи — история и современность", в работе которого участвовали и представители крупнейших общин этого народа. И на большой для него вопрос реакция всех выступавших была однозначной — мы не "таты". В докладах же ученых вопрос о татском происхождении горских евреев даже не обсуждался, так как он в этих кругах — ложный и ненаучный. Аналогичная ситуация наблюдалась и на других форумах, посвященных истории и культуре горских евреев²³.

Однако, по нашему мнению, все эти факты несколько искажают общую картину, ведь вирус татизации все-таки изрядно "въелся" в этническое самосознание горских евреев. И целесообразно провести социологический анализ этого вопроса — в Израиле, в Москве, Дагестане, на Северном Кавказе и в других регионах, где ныне проживает значительное количество горских евреев. Это позволит перепроверить и уточнить некоторые представленные в данной статье положения, так как они основаны на субъективных наблюдениях автора, а не на профессиональных замерах.

- 1 См.: Членов М.А. Между Сциллой деиудаизации и Харибдой сионизма: горские евреи в XX веке // Диаспоры (Москва), 2000, № 3. С. 175. Библиографию вопроса см.: Там же. С. 196. Прим. 3; Ибрагимов М.-Р.А. Некоторые аспекты современной этнической географии Дагестана. В кн.: Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 12.
- 2 См.: Членов М. Еврейство в системе цивилизаций (постановка вопроса) // Диаспоры, 1999, № 1. С. 34—55.
- 3 В письменности, созданной для восточно-кавказских народов, в том числе и для горских евреев, на основе кириллицы, русская буква "ж" передает звук "дж", аналогичный первому звуку в английском слове just. Транслитерация этнонима juhur этим письмом выглядит следующим образом: жуггур.
- 4 См.: Миллер В.Ф. Материалы для изучения еврейско-татского языка. СПб., 1892. С. XIII, XVII; Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 196, 460 и др.
- 5 См.: Миллер Б.В. Таты, их расселение и говоры (материалы и вопросы). Баку: изд. Общества обследования и изучения Азербайджана, 1929. С. 7 сл.
- 6 См.: Там же. С. 12—13.
- 7 См.: Там же. С. 19.
- 8 См.: Ханьков Н. Записки по этнографии Персии. М.: Наука, Главная ред-я восточной литературы, 1977. С. 82—83.
- 9 См.: Миллер Б.В. Таты, их расселение и говоры. С. 13.
- 10 См.: Anisimov N. Gramatik zuhur tati. M., 1932.
- 11 Авшалумова Л.Х. Критика иудаизма и сионизма. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1986.
- 12 См.: Назарова Е.М. К проблеме "язык или диалект" на материале разновидностей татского языка // Тез. докл. научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института истории, археологии и этнографии, а также Института языка, литературы и искусства в 1992—1993 гг. Махачкала, 1994. С. 120—121.
- 13 См.: Членов М.А. Между Сциллой деиудаизации и Харибдой сионизма... С. 183—184.
- 14 См.: Авшалумов Х. Легенда и быль // Дагестанская правда, 2 марта 1977; Мататов М. Исторической правде вопреки // Дагестанская правда, 20 мая 1979.
- 15 См.: Членов М.А. Между Сциллой деиудаизации и Харибдой сионизма... С. 190.
- 16 См.: Там же. С. 185—189.
- 17 Там же. С. 185, 195.
- 18 См.: Там же. С. 179, 182.
- 19 См.: Анисимов И.Ш. Кавказские евреи-горцы // Сб. материалов, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып. III. М., 1888. С. 171—322.
- 20 Это далеко не так, поскольку известно, что в конце XVIII — начале XIX века некоторые из горских евреев получали образование в ешиботах Багдада (см.: Маноах Б.Б. Пленники Салманасара (Из истории евреев Восточного Кавказа). Иерусалим, 1984. С. 96).
- 21 Ибрагимов М.-Р.А. Дагестан: этнодемографическая ситуация, динамика и прогноз // Вести: Информационно-аналитический бюллетень Кумыкского научно-культурного общества (Махачкала), 2000, № 4. С. 9.
- 22 В Израиле горских евреев называют йеудэй Кавказ или кавказим, то есть "кавказские евреи", в то время как грузинских евреев — просто грузинами, по названию страны происхождения.
- 23 Международная научно-практическая конференция "Горские евреи Кавказа", Баку, апрель 2001 года; Научная сессия, посвященная 140-летию со дня рождения ученого-этнографа И.Ш. Анисимова, Москва, Президиум Российской академии наук, июль 2002 года.

Игорь Семенов,

доктор исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра
Российской академии наук (Махачкала, Россия)